

Сим шалом, говорит Москва

В рамках недели еврейского искусства в Москве, посвященной трехтысячелетию Иерусалима и представившей многочисленные коллективы со всего СНГ, выступал именитый зарубежный гость — главный кантор нью-йоркской синагоги Йозеф Маловани. С ним вместе блеснули своим искусством отечественные музыкальные силы — Мужской хор академии канторского искусства (художественный руководитель Владимир Плисс, дирижер Александр Цалюк, солист Андрей Андрианов), главный кантор Санкт-Петербурга Борис Финкельштейн, а также Государственный симфонический («светлановский») оркестр, которым дирижировал Арнольд Кац.

Зрелище Большого зала представляло в этот день поистине неопишную картину — стоически задумчивые главы семейств с чадами всех возрастов, величественные жены, лучезарные юноши (многие — с пейсами и в ермолках) и девы, невинные и прекрасные, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской. Некоторое количество записных меломанов и полный состав американского посольства эту картину в лучшем случае оттеняли. Между тем, по впечатлениям участников концерта, зал был слегка притухшим. Помнят ли евреи свои традиции, знали ли они, на что пришли?

Еврейская культура — едва ли не синоним мировой культуры, еврейская музыка — тоже. Мендельсон и Малер, Горовиц и Менухин, Дунаевский и Бернштейн — имена мирового пантеона. Что же есть тогда собственно еврейская музыка? Древние песнопения ушли вместе с древними временами, народные традиции эпохи диаспоры стали достоянием истории и профессиональной эстрады. Самой плодотворной и почитаемой ветвью остается хазанут — искусство канторского пения, насчитывающее немногим более ста лет.

«Вряд ли найдется набожный еврей, который не считает себя в какой-то мере проницательным музыкальным критиком в области кантор-

ского искусства и так же, как знаток итальянской оперы, производит музыкальное вскрытие певца. Он взахлеб обсуждает и анализирует все технические ошибки кантора, всегда готов подметить недостаточно высокую музыкальность или недостаточно глубокое понимание текста в его интерпретации», — писал в своей книге певец и кантор Михаил Александрович.

Строго говоря, для набожных евреев событие, произошедшее в Большом зале консерватории, — не вполне кошерное. Как никак, литургическая музыка исполнялась в светской

Юбилейный концерт закончился на патетической ноте

аудитории, — а второе отделение и вообще шло под аккомпанемент оркестра, в синагоге немислимого. Но выступал все-таки мастер

своего дела. Йозеф Маловани, музыкант восточноевропейских корней (природная фамилия должна звучать, видимо, как «Малеванный»), — главный кантор Нью-Йорка, профессор иешивы, в прошлом — оперный певец, да к тому же — не новый знакомый: в России, с российскими хорами и оркестрами он поет не первый раз, и кое-кто, может быть, даже помнит, как замечательно вышла у него в начале перестройки ария Ленского в зале Чайковского.

Первое отделение состояло из традиционных фрагментов богослужения, своего рода

XIX века с монодией, сохранившей черты древнего и южного происхождения, а также отчетливо выраженными народно-танцевальными элементами. Еще заметнее они стали во втором отделении, которые сами участники концерта охарактеризовали словом, созвучным названию известного еврейского блюда — «попца». Это, конечно, не «Хава нагила» и не «Семь-сорок», а некий гибрид оперных сцен, неаполитанских аранжировок и бродвейских гармоний. В их основе тексты молитв и всемирно известные музыкальные темы — как, например, «Сим шалом». «Кто знает эту мелодию, пойте со мной! Кто не знает эту мелодию, пойте со мной!» — восклицал со сцены Йозеф Маловани. Но зал сделал робкую попытку запеть лишь тогда, когда Арнольд Кац, на секунду отвернувшись от оркестра, обратил в его сторону свой типичный и неотразимый повелительный взгляд.

Справиться с полной концертной программой 63-летнему певцу было трудно: если в первом отделении он несколько раз легко добирался до верхнего «до», то во втором, чтобы всего-навсего пробиться через стену оркестрового звучания, ему приходилось призывать на помощь весь свой актерский пыл. И все же подспорьем знаменитому хазану были не только отличный хор и великолепные голоса Бориса Финкельштейна и Андрея Андрианова (вместе с которыми нью-йоркская звезда литургического пения сделала из правоверного субботнего «Кадisha» нечто вроде концерта «трех теноров»), но и, главным образом, собственное искусство. Считается, что молодым кантором быть нелегко: требуется богатый жизненный опыт, чтобы петь с «еврейской слезой», с надрывом. Это Йозеф Маловани продемонстрировал сполна. Страсть, которую он вкладывал в каждый завиток виртуозных колоратур, должна была быть услышана по крайней мере в небесах: ведь кантор — все же не только артист, но и тот, кто молится за всю паству, за весь народ.